

Цзин Хао тоже воспрянул духом. Преодолевая боль в ноге, он схватил валявшуюся рядом палку и принялся лупить Ду Тэна, да так, что тот принялся наперебой молить о пощаде.

Ду Тэн вцепился в собственные волосы, а по его лицу размазались сопли, слёзы и слюна.

— Хао-гэ, братец-бывший, я больше не буду!

Несколько парней неподалёку отделались легким испугом и почти не пострадали, а потому сейчас просто лежали на земле, притворяясь мёртвыми. Услышав это обращение — братец-бывший, они невольно покрылись холодным потом: надо же было додуматься затронуть именно эту болезненную тему!

К счастью, оба участника событий в унисон пропустили это мимо ушей.

— Проваливайте!

— Ладно-ладно, ухожу, ухожу!

Ду Тэн только этого и ждал. Он живо вскочил с земли, согнувшись в три погибели, и припустил к выходу, вылитая побитая собака.

— Придурок, — выругался Цзин Хао, а затем повернулся к Цзян Линю.

От увиденного он едва не отшатнулся в испуге, и рвавшиеся наружу слова благодарности застряли в горле.

— Ты...

Черт знает, кто приложил его с такой силой, но из рассеченного уголка лба Цзян Линя, зажатого пальцами, сочилась кровь — от этого зрелища кровь стыла в жилах.

Неудивительно, что он всё это время прижимал руку к голове!

Как бы сильно Цзин Хао ни презирал Цзян Линя, сейчас было не до того. Он почти мгновенно подскочил и попытался отнять руку парня:

— Дай взглянуть!

Но Цзян Линь только увернулся и отскочил назад:

— Помоги мне снять одежду!

— А?

Помоги мне переодеться.

Цзян Линь решил, что тот расслышал не с первого раза, и повторил снова, одновременно задрал подбородок, чтобы кровь не так быстро текла вниз.

Цзин Хао не понимал, чего добивается Цзян Линь, но всё же подошёл и потянул за молнию на школьной форме. Цзян Линь был невероятно худ: выданная школой стандартная белая футболка сидела на нём чересчур свободно, обнажая изящные, красивые ключицы.

— Спасибо, — Цзян Линь зажал форму подмышкой свободной рукой и тихо выдохнул: — Хорошо хоть не испачкал.

Хотя голос звучал негромко, Цзин Хао расслышал каждое слово. В Третьей средней школе Чжоучэна за появление без формы выгоняли из ворот, поэтому ради удобства все стирали и меняли одежду по выходным. Неужели Цзян Линь испугался, что пятна крови не отстираются и он не сможет в ней ходить?

Цзин Хао стоял столбом, чувствуя себя неловко, и торопливо пошарил по карманам — к счастью, у него вошло в привычку носить с собой бумажные салфетки.

— Сотри пока.

Цзян Линь поблагодарил его. В его голосе звучало лёгкое удивление, но куда больше было искренней радости.

Цзин Хао наблюдал, как тот кое-как стёр кровь с рук, а затем принялся бешено тереть лицо салфеткой. Поскольку прошло уже немало времени, кровь успела засохнуть и змеями залегла по всему лицу, отчего он выглядел даже пугающе.

В конце концов, заварушка началась из-за него, и Цзин Хао пришлось пересиливать себя:

— ...Сходи в больницу, пусть обработают.

Однако Цзян Линь испуганно замотал головой:

— Не надо! Я в порядке!

Стоило только явиться в больницу, как пришлось бы делать КТ и выкладывать круглую сумму за всякие ненужные обследования — таких денег у него не было.

Цзин Хао нахмурился. Чего это Цзян Линь удумал? Строит из себя бедную овечку, чтобы разжалобить его?

Тогда он ни за что не пойдет у него на поводу.

Цзин Хао перерыл все карманы, но нашёл лишь три сотни юаней. Он сунул купюры в руку Цзян Линя:

— Купи себе лекарств!

Цзян Линь в панике отпрянул, словно деньги обожгли ему пальцы, и тут же вернул их обратно:

— Мне не нужно, я в порядке!

— Тебя избили, пустил кровь, а в конце даже на лекарства не осталось — не обидно? — холодно бросил Цзин Хао.

— Я же не ради этого! — Цзян Линь слегка разозлился, но ещё больше ему стало обидно. В груди поднималось удушливое чувство, и злился он вовсе не на Цзин Хао, а на самого себя.

— О? А ради чего тогда? — риторически спросил Цзин Хао. Хотя это было довольно жестоким развлечением, вид Цзян Линя, теребящего край одежды, так и подмывал поиздеваться над ним.

— Да потому что ты мне нравишься.

Цзин Хао никак не ожидал такой прямоты. Он смотрел перед собой, даже не догадываясь, как сильно Цзян Линь сейчас нервничал — невозмутимый вид стоил тому огромных усилий.

Он заглянул в глаза Цзян Линю: как бы тот ни притворялся, а взгляд не обманешь. Цзян Линь и правда очень сильно любил его.

Но что толку от этой любви?

Желающих заявить о своих чувствах было пруд пруди, но у него не было ни малейшего желания или обязательства отвечать каждому.

— Тогда прости, ты мне не нравишься, — равнодушно ответил Цзин Хао, даже не осознавая,

насколько жестоко прозвучали его слова.

Лицо Цзян Линя мгновенно побледнело — возможно, от потери крови, но ещё сильнее от неловкости и стыда.

— Так что больше не делай за меня домашку, — добавил Цзин Хао. — У нас ничего не получится.

Этот знакомый почерк действовал ему на нервы, от одних воспоминаний становилось тошно.

Цзян Линь на удивление сохранял спокойствие. Он не стал допытываться, почему, не опустил голову и не расплакался, а лишь молча уставился на него. Спустя мгновение его губы зашевелились:

— ...Я понял.

Верно. Прошло уже полмесяца после расставания, а он по-прежнему исправно делал для Цзин Хао домашние задания. Подражание чужому почерку стало для него способом удерживать эту нить тоски, а теперь не останется даже такой крошечной связи. Цзян Хао и правда ненавидел его.

Цзян Линь горько улыбнулся:

— Я больше не буду приставать к тебе.

Приставать? Да разве он когда-нибудь приставал?

Цзин Хао проводил взглядом удаляющуюся фигуру, и почему-то у него ёкнуло сердце, а в голове всколыхнулись какие-то совершенно неуместные мысли.

В то время учёба отнимала все силы, так что воспользовавшись выходными, Цзян Линь решил подстричься. Погода постепенно теплела, волосы заметно отросли, и на этот раз он попросил короче, чем обычно, так что даже обнажились нежные кончики ушей. Результат превзошел все ожидания: лёгкость в голове, и сам он словно помолодел и посвежел.

Когда в понедельник он вернулся в школу, весь класс замер в потрясении.

Школьная форма отглажена до идеальных стрелок, рукава аккуратно закатаны, обнажая бледные запястья, а на переносице красуются изящные очки в золотой оправе — вылитый воплощенный идеал нежного старшеклассника из юношеских грёз.

— Эй, этот красавчик часом классом не ошибся?

— Понятия не имею, похоже на то! Но я бы не против, чтобы этот красавчик побыл здесь ещё немного.

— Охренеть, да он садится на место Цзян Линя?!

— Цзян Линь? Да ну нахрен, это серьёзно Цзян Линь?!

Их сложно было винить за то, что они не узнали его. Цзян Линь учился неплохо, но в классе держался серой мышкой; хоть внешность у него и была приятная, за длинными прядями разве разглядишь хоть что-то путное?

К тому же зрение у него было хорошим, а сидел он обычно в первой тройке рядов, так что в очках нужды не было. Стоило же коротко остричь волосы, как всё лицо оказалось на виду — резкие черты, красота парня, способного затмить даже короткую стрижку под ноль. При этом черты лица Цзян Линя не кричали о броской мужественности, а скорее склонялись к мягкости, которую золотая оправа очков подчеркнула до предела, придав ему утонченный, интеллигентный вид.

Цзин Хао как раз уткнулся носом в экран телефона, листая ленту, как вдруг привычный шум и гвалт в классе стихли. Решив, что явился учитель, он поднял голову — и встретился взглядом с мягким профилем Цзян Линя, освещённым лучами солнца.

Интеллигентный и мягкий.

В тот момент в голове крутилось ровно это единственное слово.

Ян Сюй не выдержал:

— Какого чёрта, это точно Цзян Линь? Ему что, голову пересадили?

— Ха, — толкнул его в бок Чэн Бовэнь. — Сделай себе такую же, раз ума хватает! У него изначально база была неплохая, а тебе...

Чэн Бовэнь тяжело вздохнул:

— Завязывай ты с этим делом пораньше!

Он не пытался говорить тише, так что сидящие впереди слышали всё до последнего слова и прыснули со смеху.

— Ах ты ж ёб твою! — если бы не страх перед тем, что учитель может войти в любую секунду, Ян Сюй давно бы вцепился ему в воротник. — У меня вообще-то гордость есть!

— У тебя даже души нет, какая уж тут гордость, — холодно отозвался Цзин Хао.

Ян Сюй не верил своим ушам:

— Хао-гэ, да как ты можешь...

— Ладно! — всё же связываться с Цзин Хао он не решался и обиженно сменил тему. — Эй, с чего это он вдруг так вырядился?

Цзин Хао молча сверлил взглядом спину Цзян Линя.

— Ты ничего не понимаешь, — Чэн Бовэнь покачал головой, вылитый бродячий маг-шарлатан.
— Спорим, это синдром бывшего.

Синдром бывшего — название говорило само за себя: после расставания нарочно покрасоваться перед бывшим в духе «мне без тебя зашибись», чтобы доказать свою значимость и полное равнодушие.

— Выходит, он всё это делает назло Хао-гэ? — уточнил Ян Сюй.

Чэн Бовэнь потёр подбородок:

— Чисто теоретически — да, так и есть.

Цзин Хао фыркнул. Ишь ты, заявлял, что больше не станет к нему приставать, а прошло всего несколько дней — и снова неймётся?

Хотя... В таком виде он и правда чертовски хорош.

Но реальность быстро остудила самоуверенность Цзин Хао.

Вовсе не ради него Цзян Линь так вырядился, и никакой это был не синдром бывшего. Прошла целая неделя, а за пределами аудитории Цзин Хао не видел его ни разу — разве что во время уроков.

Слово держит, ничего не скажешь.

Только вот что изменилось? Цзин Хао лишь задним числом сообразил, что и раньше их общение сводилось к передаче домашки да паре случайных фраз. Сам он всегда держался с ним холодно, даже здоровался сквозь зубы и тут же забывал — для него Цзян Линь ничем не отличался от прочих.

Школьный туалет был устроен кабинками: штук пять в ряд, а от умывальников их отделяла капитальная стена. Отогнав от себя роящиеся в голове дурные мысли, Цзин Хао уже собирался толкнуть дверь наружу, как из коридора донеслись тихие стоны. В самом дальнем углу стоял юноша, повернувшись к нему спиной. Подол его одежды был засунут наверх, обнажая крепкую и стройную линию талии. Зажав зубами край собственной рубашки, он сгорбился в позе, которая с виду казалась невероятно неудобной. Его пальцы с отчетливо выступающими суставами, испачканные мазью, тянулись к спине, чтобы намазать лекарство. Поврежденное место уже приобрело сине-фиолетовый оттенок, и боль, судя по всему, была дикой: стоило ему лишь прикоснуться, как он начинал непрерывно дрожать, но все равно дрожащими пальцами медленно растирал мазь. О том, чтобы дотянуться до всей такой длинной полосы синяка, и речи не было — даже тот короткий участок, которого он касался, мазью покрывался лишь кое-как.

Какой же Цзян Линь тупица.

У него что, даже человека, который может нормально намазать спину, нет? Прошло уже столько дней, а выглядит все еще так жутко.

Вспомнив, что эта рана появилась из-за него, Цзин Хао почувствовал укол совести, словно он перед кем-то в долгу. От этого в нем невольно поднялось раздражение:

— Ты что, вообще поправляться не собираешься?

Цзян Линь все еще изнемогал от боли, и когда послышался голос, он от испуга тут же поднял голову. Его первой реакцией было прикрыть рану на теле — он вцепился в одежду обеими руками, пытаясь натянуть ее вниз.

Цзин Хао усмехнулся:

— Да чего там прятать, брату ты неинтересен.

Цзян Линь резко вскинул голову. Наверное, из-за того, что он только что прикусил зубами ткань, его губы покраснели, щеки покрылись розоватым румянцем, а сам он тяжело дышал.

— ...Цзин Хао? — Выражение лица Цзян Линя было крайне красноречивым. Почему он столкнулся с ним именно в такой момент?

Цзин Хао, заметив смену эмоций на лице Цзян Линя, почувствовал себя не в своей тарелке. Он в упор смотрел на него, пытаясь отыскать во взгляде хоть какие-то прежде знакомые чувства, но, к сожалению, кроме неловкости и тревоги, не увидел почти ничего.

— Если ты по делу, то я пойду, — видя, что тот молчит, Цзян Линь в панике подобрал мазь и собрался уходить: он не хотел оставаться с Цзин Хао ни секунды дольше.

Однако не успел он сделать и трех шагов, как дорогу ему преградила чья-то рука. Цзин Хао посмотрел на него сверху вниз, и в его тоне прозвучало даже некое подобие заботы:

— Ты что, даже не собираешься пойти провести?

— А? — Цзян Линь совершенно растерялся и машинально выдал: — Я в порядке...

— В порядке, черт побери! — Цзин Хао жутко бесил такой вид делающего хорошую мишуру при плохой игре. — Если в порядке, чего тебя при каждом мазке колотит как осиновый лист?

Цзян Линь опустил голову, его голос становился все тише и тише, разобрать слова было почти невозможно.

Он боялся волновать дедушку, поэтому ни за что не осмеливался мазать спину дома и ходил для этого в школу. В первые дни боль была просто адской, но сейчас стало немного легче.

Видя, как он понурил голову, Цзин Хао поневоле смягчился и мягко произнес:

— Повернись, я сам тебя намажу.

Цзян Линь внезапно вытаращил глаза:

— ...

Цзин Хао кашлянул:

— Как-никак, ты пострадал из-за меня, так что помочь тебе — это моя обязанность.

Спустя мгновение он услышал тихий-тихий голос:

— Не нужно.

— Что ты сказал? — Цзин Хао не верил своим ушам. Разве Цзян Линь не был влюблен в него? И он упускает такую возможность для столь близкого контакта?

— Мне не нужно, — Цзян Линь повысил голос еще чуть-чуть. — Это было моим добровольным решением, я ничего не требовал взамен. Тебе необязательно заставлять себя из-за этого.

Цзин Хао, я люблю тебя — это мое дело. Писать за тебя домашку, принять тот удар на себя — все это было моим добровольным решением, меня никто не принуждал. Точно так же, как ты меня не любишь и даже презираешь: тебе совсем не обязательно чувствовать себя виноватым и приходить, чтобы пожалеть меня или облагодетельствовать просто потому, что я потерял немного крови и содрал кожу. Цзян Линь на мгновение замолчал: — В этом нет необходимости, да и мне оно не нужно.

Лишь когда Цзян Линь с тубиком мази в руках скрылся из виду, Цзин Хао пришел в себя. Цзян Линь вроде бы оставался прежним, таким, каким отпечатался в его памяти, но в то же время казался совершенно другим.

В двух километрах от школы находился район старых многоквартирных домов. Места там были тесные, но зажатые на клочке земли жильцы ютились в огромном количестве. Еще в прошлые годы ходили слухи о скором сносе, но из-за смены руководства дело затянулось, никаких гарантий не было, поэтому цены на жилье упали до предела. Именно здесь жили Цзян Линь со своим дедушкой.

Дедушка был уже в возрасте, ноги его плохо слушались, но он по-прежнему каждый вечер ждал возвращения Цзян Линя, и лишь поболтав с внуком перед сном, мог спокойно уснуть.

Однако сегодня, вернувшись домой, Цзян Линь не увидел у двери знакомого силуэта.

Неужели дедушка сегодня сильно устал и лег пораньше?

Дустая об этом, Цзян Линь отпер дверь, но едва включил свет, как перед его глазами предстала картина, видеть которую он боялся больше всего на свете.

Дедушка лежал на боку на полу, его глаза были плотно закрыты, а руки безвольно свисали по бокам.

Дедушка? Дедушка!

Цзян Линь робко позвал его дважды, но ответа не последовало.

Не смея беспорядочно трясти старика, он быстро набрал номер сто двадцать, внутренне молясь, чтобы с дедушкой все было в порядке.

Ближе к рассвету дедушку наконец вывезли из реанимации. Врач сказал, что у него случилось острое кровоизлияние в мозг, и к счастью, в больницу доставили вовремя — сейчас угроза миновала, но ему необходим полный покой и тщательное восстановление.

Цзян Линь сидел у его постели до самого утра и только потом с покрасневшими глазами побрел в школу. Хотя дедушка и вышел из опасного состояния, ему всё равно предстояло пробыть в больнице под наблюдением еще какое-то время. Для Цзян Линя это стало настоящим испытанием: ему приходилось метаться между больницей, школой и домом, отчего он заметно похудел.

— Чем это Цзян Линь в последнее время занят? Каждый раз после звонка вижу, как он убегает быстрее всех.

Стоило учителю в очередной раз переступить порог класса, как Цзян Линь тут же сорвался с места, и Ян Сюй снова принялся сплетничать:

— Кто его знает, к тому же вечно ходит какой-то измотанный. Я в прошлый раз застал его в туалете — так у него синяки под глазами были вот с такие!

— Эй-эй, — Ян Сюй толкнул Чэн Бовэня плечом и с мерзской ухмылочкой протянул: — А спорим, он завел себе парня, вот его и выжали досуха?

Чэн Бовэнь с брезгливым видом отшатнулся в сторону:

— Тьфу... черт возьми, а ведь возразить-то и нечего!

— Вы что тут мелете? — внезапно вмешался Цзин Хао, напугав парочку сплетников.

— Хао-гэ, да мы про Цзян Линя тут толкуем, — Ян Сюй с неугасающим энтузиазмом принялся хвастаться перед Цзин Хао своей недавней догадкой. — Вид такой, будто у него истощение от

всех этих дел на любовном фронте. С виду такой правильный, а кто его знает, какого бесенка он себе на стороне отыскал.

Цзин Хао нахмурился. После того случая они с Цзян Линем стали общаться еще меньше. Хотя они и учились в одном классе, но держались друг с другом как чужие люди. Стоило им случайно столкнуться лицом к лицу, как Цзян Линь, не сказав ему ни слова, поспешно уступал дорогу.

Неужели и вправду, как они говорят, у Цзян Линя на стороне появился... парень?

Странно, с чего это я вообще об этом думаю! — Цзин Хао мысленно высмеял себя. Наверняка от безделья, раз появилось время совать нос в чужие дела Цзян Линя.

Однако, несмотря на такие мысли, когда Ян Сюй предложил проследить за ним и выяснить, что за хвостик за завесой тайны, тело отреагировало куда честнее, и он послушно поплелся следом.

— Должно быть, я сошел с ума, раз увязался с вами творить такую херню! — Цзин Хао прижался спиной к стене, боком выглядывая наружу. Рядом с ним озирались такие же шпионы — Ян Сюй и Чэн Бовэнь.

— Хао-гэ, ну что ты такое говоришь? Изредка почувствовать себя шпионом — это же здорово.

— Точно, к тому же мы уже столько времени идем по пятам, должно быть, лучик надежды уже совсем близко.

Терпение Цзин Хао по отношению к этим двоим подходило к концу:

— Заткнитесь оба!

— Ой, он выходит! — крикнул Ян Сюй.

Они увидели, как Цзян Линь вышел с упакованным контейнером для еды в руке, окинул взглядом светофор и решительно зашагал вперед с крайне встревоженным выражением лица.

— Поглядите на его суетливый вид, еще и еду кому-то тащит, точно шуры-муры крутит!

— Валим, догоняем!

Цзин Хао ничего не ответил, но шаги его невольно замедлились. Он просто неотрывно смотрел на эту фигуру, а на душе скребли кошки — почему-то вдруг стало страшно до жути увидеть

того самого мифического парня.

— Черт!

Вдруг Ян Сюй громко завопил:

— Он в больницу завалился!

Куда? Я провожу тебя

— Продолжаем слезжку? — Чэн Бовэнь повернулся к остальным, интересуясь их мнением.

— Следим, с чего бы бросать? — Ян Сюй был непоколебим. — Мы, блин, уже притащились сюда, неужели сдадимся на полпути? Хао-гэ, а ты что думаешь? Хао-гэ? Хао-гэ?!

— А? Да делайте что хотите. — Цзин Хао явно витал где-то в облаках и вообще не слышал, о чем они толкуют.

Он смотрел, как Цзян Линь торопливо шагает к больнице, и на душе скребли кошки.

Сам он страдал от боли — и тот даже словечком не поинтересовался, зато о человеке внутри так печется! Если... если это действительно какой-то парень, то насколько же сильно Цзян Линь должен его любить?

Время в середине дня и так на исходе, автобусная остановка у этой больницы крайне неудобная: если ехать на автобусе, придется сначала немного проехать, а потом еще долго пилить пешком. К тому же в часы пик не факт, что удастся влезть в салон, но и пешком путь неблизкий — туда и обратно уйдет сорок с лишним минут. У Цзян Линя при таком раскладе вообще не оставалось времени на обеденный перерыв.

На сердце у Цзин Хао заскреблась зависть. Тоже мне, говорил, что любит его, а сам о других заботится точно так же. Тьфу, ветреный парень.

После долгих блужданий троица наконец добралась до нужного этажа и замерла у больничной палаты. Разумеется, заходить туда в открытую они не посмели, простояв на страже добрые двадцать минут. И только когда Цзян Линь вышел на улицу со школьным рюкзаком за плечами, они один за другим шмыгнули внутрь.

Они уже заранее все распланировали: рассчитывали увидеть парня примерно их возраста, с вполне обычной внешностью. Но стоило им переступить порог, как оба застыли на месте от изумления.

Практически все шесть коек в палате занимали дряхлые дедушки и бабушки, а на последней лежал на вид не старше восьми лет мальчик с капельницей в руке и крепко закрытыми глазами.

Ян Сюй:

Чэн Бовэнь:

Цзин Хао скрестил руки на груди:

— И это, по-твоему, парень?

— Да блин, я же просто гадал! — Ян Сюй хотел было заорать во весь голос, но, боясь нарушить тишину, мог только широко разевать рот, отчего его лицо выглядело крайне комично и искаженно. — Мы что, не в ту палату зашли?

<http://bllate.org/book/20916/2115498>